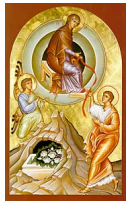

Источник: [Русский дом](#)

Эту непридуманную историю прислал к нам в редакцию игумен Варсонофий (Подыма). А услышал он её во время поездки по США в русском монастыре в Джорданвилле.

В моём родном Рочестере было много церквей, но я, как и родители мои, и прародители, ходила в англиканский храм. Наша семья всегда отличалась благочестием, была хранительницей традиций. И хоть попали наши предки лет 200 тому назад в Америку, мы сохранили дух старой доброй Англии.

В воскресенье мы всегда поднимались рано. Надо было хорошо подготовиться. Ведь к Богу в гости идём. Все чистенькие, отглаженные, а главное — воротнички все накрахмаленные. Беленькие-беленькие. Аж блестят. Аж слепят.

Кроме традиции была ещё одна причина, по какой в День солнца я всегда была в храме. Это — наш пастырь, отец Джеймс. Назвать его удивительным, замечательным было бы недостаточно. Что ни возьми: репутацию, внешний вид, манеры, он был сама безупречность, само совершенство!

А проповеди! Они проникали в самую душу. Сколько раз плакала я в умилении. Все мы слушали его, словно загипнотизированные. Беседы продолжались и за чаем. Тогда мы всей общиной засыпали пастыря вопросами. Не отказывал он в общении и при встрече на улице. Его кругозор был широчайшим. Он владел несколькими языками и даже древнегреческим.

Особенно хорошо разбирался он в различных религиозных верованиях, распространённых в Америке. Называя нашу общину «высокой церковью», отец Джеймс

аргументированно критиковал демократизм крайних протестантов, отрицающих церковную иерархию, и настоятельно призывал иметь дома портрет королевы Елизаветы II и принца Чарльза.

Неизменно доставалось нашим фермерам — то ли анабаптистам, то ли меннонитам, которые поселились в сельских хуторах. Отец Джеймс осторожно высмеивал их отрицание благ цивилизации — телефона, телевизора, автомобиля.

«Неужели Господь будет любить меня меньше с моим "фордом", чем с дурно пахнущей лошадью?» — спрашивал пастырь.

Серьёзнейшему разбору мы подвергли Римскую церковь. Кто-то из наших прихожан вскользь спросил о православных. Пастырь так же вскользь и ответил: «Это более фанатичное ответвление от католиков с массой заблуждений и суеверий. Они, например, поклоняются всевозможным святым, их изображениям, их останкам и даже вещам».

Однажды после такой проповеди я не шла, а летела как на крыльях домой, с радостным воодушевлением, ничего и никого не замечая. Вдруг, будто из другого мира, я услышала крик: «Осторожно, леди!». Но было поздно. Все прохожие успели отскочить от падающей тяжелой лестницы, а мне она упала прямо на голову...

«Растяпа. Рот не разевай», — корила я себя уже позже, когда, по милости Божией, боли прекратились и рана быстро зажила...

Идя на очередное воскресное богослужение, я вдруг с удивлением заметила, что листья клёна в сквере посинели. А жёлтая стена банка вдруг стала розовой. Уже в церкви у меня резко потемнело в глазах и закружилась голова. Всегда питаюсь здоровой пищей, я впервые в жизни ощутила сильную тошноту. Мои родные вывели меня на воздух.

На такси отвезли меня домой, где мне стало легче. Совсем отпустило, когда вечером отец Джеймс со старостой проводили меня. Но ночью я вдруг проснулась от того, что

кто-то душит меня. Включила свет: никого. Попыталась опять уснуть, но удушье повторилось, и я уже боялась спать.

Утром, разбитая, еле побрела к врачу, но, едва преодолев ступени клиники, я потеряла сознание... Белый потолок. Белые халаты. Отдалённые голоса. Боль в спине. Равнодушный приговор доктора: эпилепсия. Теперь жизнь моя потекла от припадков к припадку, между которыми были лишь тоска, злоба, страх. Лечение медикаментами не помогало. Сочувствие наших прихожан и внимание родных порой только раздражало. Я часто кричала на них, а они снисходительно пожимали плечами: «Ну что с неё возьмешь? Всё больше лишается рассудка».

А какие страшные были ночи! По многу раз я вскакивала от кошмаров. Однажды во время плача я увидела возле себя Женщину, Которая ясно сказала мне: «Приложись к Моему поясу, и сразу исцелишься».

По Её величавому виду сразу поняла: это — Богородица. Боясь внезапного припадков или помутнения, сразу позвонила отцу Джеймсу. Тот сонным голосом произнёс: «Не обращайтесь внимания. Это бред».

Богородица приходила ещё раз с теми же словами. Профессор психиатрии повторил слова Джеймса: «Не волнуйтесь. Острый параноид — нормальное при вашей болезни явление. Бред».

Когда явление повторилось в третий раз, я твёрдо решила найти этот Пояс во что бы то ни стало. Из жалости отец Джеймс решил помочь мне: «Раз вы не хотите лечиться нормально, попробуем развеять вашу иллюзию — исцелиться от простого материального предмета».

В городе мы довольно быстро нашли семью православных: пожилую гречанку и её древнюю 99-летнюю мать.

«Насколько я знаю, пояс Богородицы находится только в одном месте. Это монастырь Ватопед на Святой горе в Греции», — сказала гречанка. Отец Джеймс аж присвистнул: «Я слышал об этом странном месте, называемом Афон. Туда женщин уже полторы тысячи лет не пускают».

Мне вдруг стало плохо. Сильная головная боль свалила на диван, но пока пастырь пытался дать мне воды, древняя старуха потянулась за карандашом и блокнотом.

«Она у нас уже два года не говорит из-за склероза, но немного писать не разучилась», — дочь помогла старухе взять предметы. Только минут через десять мы еле-еле прочли на листке: «Русский монастырь в Джорданвилле».

Отец Джеймс оживился: «Но это же совсем рядом. Два-три часа езды. Можем ехать прямо сейчас. И что, у них есть пояс Девы Марии?».

Гречанка пожала плечами, а мы вскоре уже мчались к обители. Нас встретила величественная колокольня над главным входом. «Колокола — ненужное обрядоверие», — прокомментировал Джеймс, но я не слышала его, а только стук своего сердца. Неужели где-то тут моё исцеление?.. Моё спасение...

Из ворот вышел, а вернее, выбежал юноша в чёрной шапочке и грязном, серочёрном платье с потёртым, слегка оборванным подолом.

Отец Джеймс остановил юношу: «Извините. Добрый день! А правда, что у вас в монастыре есть пояс Девы Марии?».

Молодой человек отрицательно замотал головой, а я чуть опять не упала в обморок. «Не

Пояс, а его частичка, ниточка из древнего сирийского монастыря. Пойдёмте».

Джорданвилль. Роспись собора. Фото: М. Родионов / Православие.Ru

Такого великолепия я не видела нигде и никогда. На стенах, на сводах бурых колонн, в золотых окладах было множество святых, которые будто говорили мне: «Добро пожаловать домой». Ведь это дом Бога! Это рай! Рай и его обитатели!

«Вот то, что вы ищете», — сказал юноша и побежал по своим делам...

Господи, такая маленькая иконка Богородицы и такая маленькая-маленькая ниточка...

«Ну что, успокоились? Лечиться поедем всё-таки?» — спросил Джеймс меня уже в «форде», но я опять его не услышала. Я опять потеряла сознание, но не от эпилептического припадка. Я уснула глубоким, крепким сном.

В больнице пастырь всё время справлялся о моем здоровье, а профессор психиатрии только разводил руками: «Здорова. Абсолютно здорова. Чудо какое-то. Сейчас послал её в санаторий, и думаю, надо ли было?».

После санатория я, уже став прихожанкой Покровского храма Рочестера, зашла в свою бывшую церковь поблагодарить отца Джеймса. Знакомые прихожане только

прошептали мне «Нет его здесь. Говорят, он Православие принял и в русском монастыре живёт».

Через несколько часов под звон колоколов я вновь вошла в обитель Святой Троицы, уже в свою обитель.

«Отца Джеймса вам? Не отец Джеймс он уже, а иеромонах Иаков. Он у нас в семинарии древнегреческий ведёт. Сейчас позову...»